

НАЕДИНЕ СО ЗРИТЕЛЕМ

КАКТО РАЗ Леонид Осипович Утесов, слушая остроты одного концертансье, саркастически заметил: «В Одессе все так могут, только стесняются». Если бы каждый, кто выходит на эстраду, обладал «застенчивостью» земляков популярного артиста, тогда, я уверен, среди зрителей не было бы ни одного скучающего лица. Пока на иных эстрадных концертах такие лица в зале, к сожалению, приходится встречать, хотя администраторы считают, что они все-таки лучше никаких...

Разумеется, я имею в виду не тех зрителей, которые трактуют понятие «эстрада» слишком утилитарно, как только лишь нечто легкое, увеселительное. С такой точкой зрения в наши дни, по счастью, приходится сталкиваться все реже и реже. Тем более, сравнимая достижения наших лучших артистов, завоевавших признание и у себя на Родине, и за рубежом, с так сказать, «золотой серединой» эстрады, нельзя не увидеть между ними большого разрыва в идейно-художественном уровне.

Мне, конечно, могут возразить, что в искусстве всегда существовала и будет существовать иерархия талантов. Но даже большое дарование не исключает профессионального мастерства. Скажем, артист балета может быть талантливым или бездарным, но он обязан уметь танцевать, иначе ему не поручат мало-мальски серьезной роли. А на эстраде такие «неумейки» есть, и это даже не считается ззорным (не умеет артист петь — «я же не в опере!», не умеет танцевать — «я же не в балете!», не умеет читать — «я же не в МХАТе!»). Это идет от обывательского отношения к эстраде как к искусству якобы второсортному, от непонимания глубокой идеологической и эстетической сути одного из наиболее массовых и любимых народом жанров.

А в искусстве сортов нет. Есть специфика и неумолимые законы жанра. Если хотите, эстраднему артисту труднее, чем другим. Актер драмы находится в большом коллективе. К его услугам оркестр, декорации, вся огромная сокровищница мировой драматургии. Кроме того, в его распоряжении три-четыре акта пьесы. Он может распределить эмоции, краски, постепенно и широко раскрывая образы своего героя. Эстрадный артист чаще всего находится один на один с публикой, и она является его партнером. У него может быть несколько героев, и на развитие каждого образа дано не больше минуты. Поэтому художественные средства артиста эстрады должны быть предельно выразительны. Ну и главное, пожалуй, что он сам формирует свой репертуар, сам определяет, что именно нужно сейчас утверждать, с чем бороться.

Артист эстрады, я бы сказал, фигура политически предельно активная. Он — мыслитель, борец, пропагандист. В этом смысле профессия эстрадного сатирика, как никакая другая, больше всего родственна журналистике. И сейчас остается в силе заповедь куплетистов: «Сегодня в газете — завтра в театре». Но уже бывает и наоборот — некоторые темы выдвигаются на эстраде раньше, чем в газете. А это значит, что мысль на эстраде, в какую бы форму она ни была облечена, какой бы частный вопрос ни выдвигала эстрада, должна быть направлена в конечном счете на решение кардинальных проблем, стоящих перед нашим обществом.

Сказал я «кардинальных проблем», а перед моим взором замаячила физиономия с подозрительным взглядом, такая современная метаморфоза, высмеянная еще Ильфом и Петровым, «гражданина-аллилуйщика». Мне, работающему в области сатиры уже много лет, этот тип знаком досконально. Он заметно сник в последние десять лет, когда партия ведет острейшую и целеустремленную борьбу со всем, что мешает общественному прогрессу. Но есть еще люди, которые усердно курят свой сладкий фимиам и трусливо замирают, когда речь заходит о явлениях отрицательных. А поскольку предмет сатиры — именно такие явления, то она уже сама по себе сердит и пугает много гражданина-аллилуйщика. Если распростра-

Аркадий РАЙКИН,
народный артист РСФСР

□ □

нить его демагогический взгляд на сатиру, то она потеряет боевой, наступательный характер, перестанет выполнять свои гражданские и эстетические функции.

Между тем с эстрады нет-нет, да и звучат неглубокие, беззубые и неизменно многословные тирады. Люди, пишущие и произносящие их, не дают себе труда «творить, выдумывать, пробовать», а плетутся по тропкам, протоптанным уже много лет назад. Их мысль не идет дальше каламбуров, мелкотемных шуточек. А это, по сути дела, уход от решения задач нашей грандиозной эпохи. Уход, вызванный творческой робостью, гражданской инертностью. Некоторые даже под это подводят теоретическую базу: дескать, нельзя слишком много говорить о недостатках — а за границей что скажут?

Но ведь высмеивая недостатки, сатирик «молча» пропагандирует человеческое достоинство, к тому же люди-то все равно видят плохо! А разоблаченное со сцены, оно перестает быть предметом мечтательной воркотни, неправильных толкований, злопыхательств. Раз порок назван и осмеян — с ним легче бороться. Что касается «заграницы», то там, как я еще раз убедился во время недавней поездки в Англию, смотрят на нашу сатиру не так, как считают иные перестраховщики. Там говорят, что бюрократизм, эгоизм, стяжательство и другие подобные явления есть везде, но в Советском Союзе с ними активно и успешно борются. А это, между прочим, приносит достижения, и немалые!

Вообще нельзя никогда забывать, что пропаганда — дело чрезвычайно тонкое. Я глубоко уверен, что сатира — великолепная форма для пропаганды наших великих идей. Нужно только уметь ею мастерски пользоваться. Нельзя и ни к чему, скажем, десятки раз повторять одно и то же — это набивает оскомину и рождает у зрителя нередко совсем не ту реакцию, какую мы «планируем». Мы, сатирики, набрасываемся порой на какую-то одну тему, талдычим на все лады, забывая, что жизнь всегда сложнее и шире, а зритель, который слушает нас, не какой-то арифметически средний, а разный.

Я к тому это говорю, чтобы подчеркнуть важность творческой интенсивности каждого, именно каждого актера-сатирика в борьбе за новую мораль. А интенсивность эта просто невозможна без самостоятельности мышления, без широкого вторжения во все сферы жизни, без проявления всей палитры своего дарования.

Листая номера довоенного журнала «Рабочий и театр», я прочел корреспонденцию, в которой рассказывалось, как с концерта выдающегося сатирического актера В. Я. Хенкина удалили стенографистку. Это было в 1929 году. С тех пор прошло тридцать пять лет. Техника шагнула вперед, и на концертах многих ведущих актеров ходит кое-кто с целью «добыть репертуар» уже с магнитофоном. Так спокойней — никто ни в чем не упрекнет за спиной «авторитета».

Надо ли говорить, что такого рода плагиат, существующий с молчаливого согласия или по неведению Министерства культуры, тормозит развитие эстрады, сеет шаблон, скуку, однообразие. Отчасти в результате такого положения конкурсы эстрады год от года бледнеют и все меньше выявляют яркие таланты. Дошло до того, что на последних всероссийских конкурсах эстрады подряд выходило несколько артистов с одинаковыми номерами (такие конфузы случаются и на концертах). А ведь всероссийский конкурс — не экзамен в театральный институт, где десять человек могут читать одного и того же «Зайца во хмелю». Это уже экзамен на собственную творческую зрелость, когда естественное юношеское стремление к подражанию должно перейти к требовательному, честному поиску, который отличает подлинно талант-

ливого человека от эпилептико-щего ремесленника.

Говоря об этом, мне от всей души хочется поддержать заслуженных артистов РСФСР Птицыну и Маслюкова, которые организовали два года назад экспериментальную школу по созданию новых номеров и воспитанию молодых артистов эстрады. Молодежь занимается здесь под руководством крупнейших артистов. И вот результат. Школа выпустила уже сто профессиональных артистов. Девять из них стали дипломантами различных конкурсов, четверо с успехом выступали недавно в парижском мюзик-холле «Олимпия».

Требовательность артиста эстрады, сатирика к себе — дело профессиональной актерской чести, иначе рукой подать до халтуры. Такие крупные мастера театра, как Игорь Ильинский и Дмитрий Журавлев, Иван Любзнов и Сергей Образцов, создали себе имя на эстраде потому, что всегда относились к ней гражданственно, страстно, взыскательно. Мне хотелось бы также назвать имена молодых: В. Татосова, С. Юрского и З. Шарко, блестяще выступающих с яркими, острыми номерами, и не случайно, думается, все они актеры Ленинградского государственного Большого драматического театра, театра высокого политического и художественного накала.

Но не только, вернее, даже не столько о профессиональной чести актера, выступающего на эстраде, должны мы говорить сегодня. Главное — ответственность перед зрителем, ответственность за воспитание людей, с которыми он разговаривает со сцены. Чтобы выйти на эстраду, актер должен иметь на это моральное право уже хотя бы потому, что высмеивает отрицательное с точки зрения человека высокой морали. Ведь зрители, смеющиеся в залах, у телевизоров и радиоприемников, относятся к актеру серьезно, с доверием и уважением. Достаточно, например, почитать почту нашего сатирического театра, чтобы понять, какое огромное значение придают люди работе артистов-сатириков. Зрители сигнализируют о бесхозяйственности, неполадках.

Наш театр старается не только административно реагировать на подобные сигналы, но и использовать в работе. Например, один молодой рабочий, отец двух детей, живущий в небольшом городе, пишет, как в течение двух часов не мог вызвать «скорую помощь» к своей умирающей жене. Тогда он позвонил в милицию и сказал, что убил жену. Машина приехала немедленно, и женщина была спасена, хотя и ему потом пришлось давать соответствующие объяснения. «Почему к живому человеку я не мог вызвать машину, а к предполагаемому мертвеццу машина выехала немедленно?» — спрашивает автор письма. Театр ответил ему монологом «Пожар» или «Что было бы, если пожарники работали, как некоторые учреждения».

Анатоль Франс говорил, что искусство угрожает два чудовища: художник, который не является мастером, и мастер, который не является художником. Когда я думаю о судьбах советской эстрады, о путях развития сатирического жанра, то все время прихожу к мысли, что в нашей стране эти «чудовища» постоянно обезвреживаются уже в силу демократизма, массовости нашего искусства, когда «высшим судией» является не группа снобов, а народ. Контакт работников искусств со зрителем у нас, как нигде и никогда, тесен и плодотворен. Нас слушают, нам помогают тысячи, миллионы людей самых разных профессий, характеров, судеб. И поэтому мы должны быть всегда взыскательными к себе, идейно активными, по-партийному воинственными и непримиримыми ко всему, что мешает нашему великому, творчески развивающемуся обществу двигаться вперед.